

Андрей
Гончаров:

«НЕ ХОЧУ СТРОИТЬ ГОСТИНИЦУ ПРИ ТЕАТРЕ»

Давно я не попадал в такие ситуации, как нынче. Если говорить точнее — я вообще не бывал еще в таких ситуациях. А ведь прожил долгую жизнь и видел всякое. На моей биографии — нэп, война, блокадный Ленинград... послевоенная разруха. Четыре раза голодал.

Но такого ощущения непредсказуемости происходящего еще не помню. Непредсказуемость — вот самое тревожное. Что будет со страной, с людьми, с моей Москвой, с нашим искусством, наконец? Что будет с театром, которому отдана вся жизнь и вся любовь?

Стихий рынок, который в нашем варианте пока что сильно смахивает на «базар», проникает и в театр. Я не противник самой идеи. Да и смешно было бы отрицать очевидное. Мне хорошо известно (и я не раз публично высказывался об этом), что такое государственная «барская любовь» и «барский гнев» по адресу отечественного театра.

И сегодня, когда государственный карман опустел, а цены взвинчиваются с каждым днем и не знаешь, откуда взять средства даже на пошив приличных костюмов к спектаклю, становится ясно: надо вертеться.

Впрочем, есть и куда более серьезная опасность. Рыночные отношения грозят вторгнуться в нечто святое и ценнейшее в биографии русского театра — в его особое, благородное достоинство. А достоинство это исконно состояло в его сугубо коллективной природе, в некоем высшем товариществе, которое всегда определяло высокую духовную, нравственную тональность отечественного театра. Как оказалось, нас во всем, в чем только можно, и все, кто только может, обогнали и перегнали. Но в своем театре мы сохранили что-то такое, что до сих пор изумляет иностранных коллег и заставляет их затаить в почтении. Это «что-то» — студийность, братство, некая человеческая «семейная» традиция, «очеловечивающая» само искусство русской сцены.

Сейчас модно противопоставлять театры-студии государственным организациям. Но мы забываем, что и государственные театры у нас хороши только тогда, когда сохранили хоть какие-то принципы коллективного творчества. Все вершины отечественного театра были достигнуты такими «товариществами», тесными «компаниями». Ни одна, даже самая блестящая частная антреприза не становилась у нас этапным моментом в развитии театра. Тарханов пришел из антрепризы во МХАТ и именно здесь, в атмосфере высокой студийности, стал Тархановым. И если хоть крупицы подобной традиционной атмосферы сохранили наши театральные школы, то,

думаю, именно это и определяет их успех на «Подiums» — международных фестивалях театральных вузов, что проводится в Москве.

Сегодня все обстоятельства нашей жизни работают на центробежные силы. Время — разбегаться. Глупо идти против времени. Но все одним махом забыть, в одночасье обернуться к другим богам и не жалеть ничего, что осталось за спиной, — тоже неумно. Идея антрепризы обретает плотность. Есть, к примеру, театр Леонида Трушкина. Появляются и другие. И это прекрасно. Я же — воспитан другим театром, всю жизнь делал другой театр. И остаюсь ему верен, постараюсь его сохранить. Хотя трудно, ох как трудно...

Кинематограф, в особенности коммерческий, за один день съемок может заплатить актеру столько, сколько обычный театр — за год. Антрепризная сцена тоже обладает куда большими финансовыми возможностями. Вот и контрактная система. Впрочем, кажется, необходимость в ней зрела давно. Вряд ли найдется сегодня руководитель театра, у которого бы не проставляла часть актеров. В наших труппах много балласта. Только ведь все это люди! Театр — вещь жестокая и была таковой во все времена. Контрактная система неизбежно принесет новые драмы. И это — реальность. Однако я побаиваюсь и других последствий ее введения. Боюсь, что театр попадет в жесткую экономическую зависимость от двух-трех «звезд». И если сегодня режиссер делает ставку на своих «премьеров», в чисто творческом плане, то завтра он вынужден будет подчинить их интересам всю экономическую структуру. А театральное законодательство между тем старое. Нам нечего будет противопоставить возможному капризу «звезды», никаких санкций у нас пока нет.

Третий по швам ветхое здание театра, продаваемое центробежными ветрами жизни. Раскалывается и изнутри сама традиционная этика коллективизма, товарищества. Пусть она изрядно потрепана, но она еще есть кое-где. Устоит ли? Удержится?

Вот почему, в принципе привествуя контрактную систему, я постараюсь вводить ее у нас в театре очень осторожно.

Однако, кажется, я и сам владаю в популярный ныне грех — заботиться о чем угодно, кроме собственно творчества. И покуда в наш Театр имени Вл. Маяковского еще

ходит зритель, пора осмыслить: зачем же он туда ходит. И — зачем придет завтра.

Ныне многим кажется, что современный зритель уже ничего не воспринимает. Театр политических игр столь силен, увлекателен и непредсказуем, что иной раз действительно думаешь: куда нам, лицедеям, до него! Наш бедный зритель за последние годы очень изменился. Прессинг «массовой культуры», о котором я сокрушаюсь уже давно, достиг сегодня немислимой точки. «Массовая культура» ныне столь некультурна, что просто руки опускаются. Для очередной демонстрации порнографии с экранов, по-моему, уже никто не затрудняется даже искать повод. Все, что угодно, — вот, к примеру, телесюжет об американском сенаторе, оскардившем себя связью со «звездой» порнобизнеса. Пикантные подробности — на экране. Да что там! Недавно, взглянув в скромное окошко МДТЗК (театрально-зрелищных касс), я обнаружил рядом с блеклыми театральными билетами эффектную брошюру под названием «Все — о сексе». Книжонка шла нарасхват в отличие от билетов. Ах, какая блестящая, сокрушительная дискредитация театра!

Впрочем, я давно уже говорю, что билеты надо продавать только в собственных театральные кассах, что у каждого театра должен быть свой зритель... Да где уж там!

Однако, коль скоро кто-то все еще входит вечером в зрительный зал и садится в партер и бельэтаж, значит, что-то еще притягивает людей к искусству сцены. На сцене — разительный актер. Человек возбудимый, чутко улавливающий тональность жизни. Сегодня эта тональность экстремальна, и актер должен это понять, пропустить через себя.

В зале — тот, кто с трудом впускает в неизведанные лабиринты своей души. Но они все еще есть, эти нехоженые тропы человеческой психологии, эмоций. В них необходимо проникнуть. Для этого нужна пьеса. Вот такая модель.

Сегодня, мне кажется, надо вновь искать на территории десяти христианских заповедей. Не только анализировать, но и просто показывать пути отступления от них. И результаты этих отступлений. Театру, мне кажется, сегодня ближе путь Евангелия, разговор с душой человека. Слишком долго сцена гремела кафедрой и трибуной. Сегодня в шуме и гаме не пережить эту нашу булга-

ковскую «круговерть». Нужны тишина, сосредоточение.

Продолжая тему «Бега», мы обратились в нашем театре к творчеству Владимира Максимова. Когда-то, еще во время «оттепели», я ставил спектакль по его повести «Жив человек». Тогда он был моим соотечественником. Теперь живет за рубежом. Его новая пьеса «Кто боится Рэя Брэдбери?», на мой взгляд, пронзительное, сильное слово художника о том, что нельзя бежать от самого себя. О том, как это никому не удавалось.

Много неожиданно созвучного сегодняшнему дню мы нашли в невостремленном «серебряном веке». Остановились на Андрее Белом. На его «Петербург». Разумеется, выбор был сделан не в связи с переименованием Ленинграда. У Белого описан мертвый город, назлектризованный агрессией, нетерпимостью, конфликтным мироощущением. По городу разгуливает «красное домино» и несет с собой террор, смерть. Наш спектакль так и будет называться — «Красное домино». Спектакль-предчувствие, спектакль-сигнал?

А рядом — «Дни нашей жизни» Леонида Андреева. Колокольный звон, Воробьевы горы, молодые люди мечтают о светлом будущем. Интересно, как прозвучит сегодня эта очень репертуарная пьеса русского театра?

Агрессия и нетерпимость разлиты в общество и порождают уродливые формы человеческого общежития. Пьеса Мрожека «Горбун», как всегда у этого автора, отсылает нас в некую потустороннюю обитель. На этот раз — шикарный приватный пансион, где, кажется, все должны бы быть счастливы.

Но его обитатели пришли из агрессивного мира и принесли сюда в своих душах зло, насилие, нетерпимость. И, конечно же, пансионная идиллия взрывается изнутри «благодаря» античеловеческим качествам людей. Единственный нормальный человек здесь — горбун. Если бы пьеса была написана кем-то из абсурдистов, можно было бы наглядно, визуально изобразить на сцене, как в течение действия горбун лишается своего врожденного уродства, а другие персонажи физически обрастают горбами. Потому что все они — нравственно горбатые люди.

Помню, как когда-то задумал поставить пьесу Артура Миллера «После грехопадения». Там между действиями

как бы маячат лагерная вышка и колючая проволока. Хотя сама пьеса глубоко интимна, речь в ней идет о взаимоотношениях автора с Мэрилин Монро. Однако в этих сугубо личных отношениях тоже много нетерпимости, духовного насилия, агрессивного навязывания своих воззрений. Кончилось это, мы знаем, трагедией — смертью актрисы. Миллер задумывал пьесу как исповедь-оправдание. Я же хотел ее ставить как исповедь виновника.

А сколько сегодня ежедневных трагедий свершается на почве духовного рабства, озлобленности, нелояльности, грубой бесчеловечной силы. Тема стала еще актуальней!

Передо мной — пьеса В. Павлова «Десятый круг». Современный автор — что может быть нужнее! Правда, мне мешают некие авангардистские черты в композиции этой пьесы, я не склонен к такому театру. Но замысел хорош, не могу с ним расстаться. Почетный юбилей бывшего сотрудника органов выливается в выяснение отношений, из которых проступают прошлые предательства, сделки с совестью. Однако есть намек на то, что предательство теперь совершает и сын главного героя, причем тоже в самых сокровенных, личных сферах жизни. Вот эта линия кажется мне наиболее интересной, но она не развита.

Есть одна деталь: перед юбилеем супруга вывешивает парадный френч именинника. Этот френч не дает мне покоя. Разве он — уже реликвия? Разве среди нас по-прежнему не бродят бесконечные «невидимые френчи»?

Шекспир... Стоит ли говорить, что он не исчерпан. Сейчас думаю над «Кориоланом» и мысленно возвращаюсь к собственной идее двадцатилетней давности. Тогда я хотел ставить пьесу в редакции Брехта. Сегодня она совершенно неприемлема, ибо все усилия там были направлены на то, чтобы скомпрометировать Кориолана. Брехт собрал, кажется, весь демос из всех шекспировских сочинений, дабы обрушить праведный, народный гнев на чванливого и вероломного властителя. Насколько все сложнее у Шекспира, вижу лишь сегодня, когда действительность ежедневно преподносит нам тему борьбы за власть во всем ее драматическом многообразии.

Однако есть и другой Шекспир — праздничный, очаровательный... «Как вам это понравится?». Комедия, в которой тоже происходит политический переворот. Но он высвобождает такие мощные, радостные, светлые духовные порывы. На заре своей юности я видел, по-моему, лучшую постановку этой пьесы у М. Кнебель и Н. Хмелева в Ермоловском театре. В этом спектакле не было никаких шекспировских штампов, это был молодой, радостный, очень «человеческий» театр. На сцену врывалась сама юность: Якут, Соловьев, Орданская, Николаева, Февейский резвились на солнечной поляне. Я, тогда еще старшекласник, был потрясен. Прибежал домой, написал с товарищем рецензию под названием «Мне это понравилось», отнес ее в редакцию и... на следующий же день отпраздновать покупая газету (!). Что интересно — заметка потом все же появилась. Видимо, нам удалось литературно сформулировать свой восторг.

Убежден, что сегодняшнему зрителю эмоциональная отдача нужна не менее чем скрупулезный психологический анализ. Но для этого на сцене должна быть подлинная красота, а не красивость. Живая эмоция, а не бодрая подделка. Яркая образная правда, а не бутафорское «шекспироподобие». Достичь этого трудно. Но необходимо.

...Мои мечтания творческого порядка то и дело прерываются грубой реальностью. Каждое утро, приходя в театр, окунаюсь в прозу жизни: стоимость будущей постановки, поиски спонсоров, контракты... Проблемы выживания. Бежать от всех этих проблем нет никакого смысла. Надо учиться жить в новых, жестких условиях рынка. Будем думать, искать. Но одно знаю точно: как бы трудно ни было, гостиницу с сауной и массажной при Театре Маяковского я строить не буду. И этим горжусь.